

*В доме бабушки моей
Печка русская—медведицей.
С ярко-красною душой,
Помогает людям жить—
Хлебы печь, да щи варить,
Да за печкой и на печке
Сказки милые таить.*
Ксения Некрасова

Сказка первая

Друг сердечный—Таракан запечный

Как-то морозным вечером, под самое Рождество, когда покров в сиянии ранней звезды перламутрово светился и снежок под валенком поскрипывал, что твоя капуста квашена, когда дым из трубы печной высоко подымался, аж к самой луне, когда в избе всё дышало чистотой и заботой праздника,—свалился с Печки Таракан. Упал, зашиб плечико, заохал, пополз, ковыляя, в свою щель под старым комодом.

— Ох, тошно мне, горемычному-калечному, и житьё моё никудышное!

— Ишь, занудел, заканючил. Да у кого ж оно лучше? —откликнулась из угла старая Метла, что весь день мела-убирала, пылью дышала, насмерть устала.

— И то верно: всем житьё скверно! Уж как всё мыли, а про меня забыли,—забренчал обиженно старый Умывальник.

— А вот мне любопытно: кругом чистота-лепота, а откель взялся этот пережиток прошлого? —завелась Метла.

— Про то только Печка-матушка ведаёт. Она тут старше всех, она главная, её и спросим,—брякнул носиком Умывальник.

— Матушка-Печка, молви словечко! —попросил Сверчок-немолчок, золотой смычок.

Печь мигнула угольком, глубоко вздохнула, пыхнула жаром да запахом щей, что томились в загнетке, и повела свои речи...

...Было то аль не было, родимые,—Бог весть. Жили мы тогда скудно-бедно: чего не хватись, за всем в люди катись. По щелям тараканы усатые, в чугуны шти небогатые. Ох-х! —Печка перевела дух.—На Печи бабка глуха, у порога собачка стара. Дедок

на лавке ворчит, да Танюшка-сиротка песню в уголку мурлычет.

Вот так же перед праздником весь день хлопотали, устали, притомились да рано спать свалились. Чайли, что к первой звезде встанут, да куда там—сопят, не ворочаются. А во мне жару ещё осталось—чуть да маленько. Не углядела я, старая, как один бедовый уголёк возьми и прыгни с пода на шесток да с него на пол. А там соломенная лошадка лежала—Танюшка играла да оставила. На самый хвостик малый жарок и попал, огонёк взнялся да дальше—по сухому веничку, по чисту половичку—пополз. А все спят, беды не чувят.

Тем же временем над самыми полатями из щели выполз Таракашка малой. Усиками пошевелил—горячо дело, пропадут все, и он заодно. И хоть дрожал-боялся, да решился Таракашка на крайнее. Танюшка на полатях спала, веснушки на носу да пшеничны косички, дышала сладко так, тихо. Ну вот, Таракашка лапочки сложил, оторвался со стены и прямо ей на нос угодил. Она чихнула—да проснулась. Глядь, ещё чуток—и сгорели бы! Побудила всех—затушили огонь.

Так Тараканишко запечный всех спас. Эту заслугу ему попомнили и сильно не притесняли с тех пор.

Сказка вторая

Сверчок-немолчок, золотой смычок

Вздохнула Печка так, что облачко пепельное взялось и растаяло в вечерней тишине, и повела новую сказку...

...Пришла деду Анисиму пора помирать. А все в поле, страда. Один лежит на Печи, охает, угольки считает—сколь жить осталось. Мало выходит.

Откель ни возьмись—Сверчок-немолчок, золотой смычок.

— Ты чего, дедушка, никак Богу душу отдать собираешься?

— К тому, верно, идёт. И то—пожил малость. Девяносто годов мне, пора и честь знать.

— Как же мы без тебя? Кто Танюшке валенки подошьёт, лапки сплетёт да сказку скажет?

— Ой, родимой, помрёшь—все найдутся: и сказочники, и лапотники.

— Да ведь ты, дедушка, моего золотого смычка не слышал, верно?

— Век живу— всё слышал, и твой скрип запечный тоже.

— Э-э, нет, золотой смычок мне совсем недавно полевая мышь подарила, и звук его волшебный больных да опечаленных на ноги ставит.

— Смычок-то твой, небось, соломинка сухая с поля?— вздохнул дед.

— А ты не сомневайся во мне, а послушай.

— Ну, играй, Божья козявочка. Помирать, так с музыкой.

Сверчок-немолчок— прыг на шесток, золотой смычок поднял тонкой лапкой и заиграл. И слышится деду: то ли колосья золотые звенят от ветру, то ли лучи закатные в колокольчиках запутались и колышут их, то ль малиновка крылышками зарю расплескала— и растеклась алая заря дивной музыкой. И чует дедушка: музыка эта словно бы по жилам его потекла, наполнила их тёплой силой, обняла за плечи— и золотым светом избу озарила. Приподнялся дед.

— А и вправду музыка твоя— как вода живая,— согласился дед со Сверчком и поклонился малой козявочке.

А тот в усики улыбнулся и ответил:

— Да ведь смычок мой— соломинка полевая, ветер в ней звучит вольный, и колокольчики звончатые, и тихий сон зари отзывается.

Покачал дед кудлатой головой:

— Так, стало быть, поживём ещё!— и пошёл по воду.

Сказка третья

Танюшка на острове

Танюшка в речке с мостков бельишко полоскала, наклонилась низко и— кувырк!— в речку упала. А взрослых рядом не было, чтобы помочь.

Течение у речки скорое, подхватило Танюшку и понесло. А она не пугается, уцепилась за ветку плавучую, и поверху её несёт. Быстро несёт, к берегу не управить, надо на помощь звать.

Голосок у Танюшки слабенькой, далеко не слышать. Отчаялась малая, не знает, как выбраться. И вынесло её к острову зелёному безлюдному. Уцепилась она за прибрежный тальник, подтянулась, пригребла к берегу. Выползла Танюшка мокрёшенька. Надо сушиться, костёр разводить.

Лядь— с камышей стрекозы большие, глазастые к ней летят:

— Горемычная, чем помочь?

Так и так, говорит.

Только ветерок подняли вихревой крыльями— и исчезли, как не было.

Стала Танюшка сухие травинки, веточки собирать для костра, бересты с берёзок прибрежных сняла— а огня нет.

Вдруг— вихрем— туча стрекозья! И несут чего-то: малой горшочек с петелькой подцепили лапками— и несут. Тихонечко спустили его на землю— а в горшочке том уголёк алый с печки. Обрадовалась Танюшка, разожгла костёр и обсушилась.

Повеселела она, да вот как выбраться с острова и до дому добраться? Далеко унесло её течением.

Тут из-под корня камышового мышь вышмыгнула.

— А ты в ямку угольков из костерка положи да водицы туда плесни: такой дым большой кверху подымется— тебя по дыму враз найдут!

Видит девочка— мышь дело говорит. Всё так и сделала. Поднялся дым столбом к чистому небу, понесло дым в сторону родимого дома, увидел дымок дедушка Анисим— поехал ведь на телеге Танюшку искать-вызвolyять.

Видит: стоит, горемычная, на острове и веткой ивовой ему машет. Дед на что старой, а сметливой: подрубил берёзу длинную береговую да мостик к Танюшке и перекинул. Та по нём и перебралась к спасителю. Только стрекозы её и видели! Скоро уж дома была, простоквашу ела да родным о своём злключенияи рассказывала.

А матушка-Печка всё слушала да вздыхала.

Сказка четвёртая

Как Танюшка и Сверчок-немолчок щи варили

Раным-ранёшенько вставала Танюшка, как родна матушка прежде учила. Пшеничны косички расплетёт, расчешет, опять в косу их, под платочек уберёт да мать вспоминает: «Моя ли ты родимая, свеча неугасимая: горела— да растаяла, любила— да оставила». С тем словом уже по избе и хлопочет— да так, словно руки матушкины тут, помогают ей. Обронит ли чашку (сон ведь ещё в одном глазу маячит, уходить не хочет), глядишь— чашка-то цела, словно кто её у полу рукою поймал. Споткнётся ли о веничек— а тут её кто-то под локоток мяконько так и удержит.

Нечего делать— пришлось Танюшке всему после успенья матушки у Печки учиться. Та, бела-добра, никогда не спит, дом бережёт, разве что глубокой ночью задремлет— а всё отдаёт тепло своё, даже если последний уголёк в ней погас.

Дед с бабкой за хворостом в недалний лесок ушли, а Танюшка уже своё проворит: капустки квашеной из подпола, из кадушки кленовой, достала, ключевой водой промыла, дабы лишнюю кислинку снять, и малость сахаром окропила— тоже чтоб скулу набок от кислоты не воротило.

Пост ведь— шти без убоины, значит, надо сыту набирать грибами сушёными да капустным уваром. Коренья с грибами отваривать, капустку с лучком упаривать. Танюшка косу луковую сняла

со стены в чулане, выбрала сухую золотую луковичку. Так-то.

Полезла малая в погреб за репой да за картошкой—а там из тьмы погребной кто-то неведомый горящими глазами глядит, не перемигнёт. Струхнула Танюшка—да вон наверх подалась. Отдышалась от страха, а что делать? Как овощикоренья доставать? Дома никого, только Метла ворчливая да Умывальник брэнчливый, а из тех, кто поживее,—Таракашечка малой да Сверчок-немолчок, золотой смычок.

—Сверчушка-братушка, ты тут?

Вылез Сверчок-немолчок из-за Печки, смычок оправил:

—Звала, Танюшка?

—Братушка Сверчок, там в подполе кто-то страшный сидит, глаза огнём горят.

—Испужалась, родимая? Не иначе Домовой-соседко даёт о себе знать, голоден, вот и зыркает. А так он ничего, смирный.

—Чем же покормить его, чтобы он не тарасил глазюки-то?

—Да вот щец-то сварить—и поставь ему в плошке. Уж он в полное довольство придёт.

—А коли не угрожу?

—Стараться будем.

Вот и стал Сверчок-немолчок помогать Танюшке: то золоты одёжи с лука снимает, а то сушёны грибы замачивает. Упарились оба: хлопотно дело. Однако ж и матушка-Печка пособляет: квашеную капустку порубленную с морковью и репой тушит-томит, коренья с грибами отваривает... Щаной дух-то по избе поплыл да густеть стал—хоть ложкой его ешь.

—Готово ли?—Сверчок спрашивает.

—Пушай ещё потомится, густей да наваристей станет...

Уже и бабка стара и дедушка Анисим вернулись, дровишек лесных да хворосту воз привезли, зашли в избу—не надивятся: какие щи духовитые удались! Однако тож не хотят Домового-соседку обидеть—ему первому плошку налили: угостись, чуда неведома! Плошечку в погреб спустили, поставили.

Наутро проверили—чиста плошка-то! Угодили-таки Домовому-соседушке! Больше он их понапрасну не тревожил: так только, погудит в трубе зимним временем, порой венчик уронит, мышей под полом всполошит...

А ежели опять глазья горящие в темноте покажет, так разуважат его как-нито—свой ведь.

Сказка пятая

Как Белый Лось всех от снежного плена спас

Танюшка-егоза на Маслену неделю так с гор укаталась, что к вечеру квёлая стала, сидит на лавке и в бабкин платок кутается.

Сверчок-немолчок тотчас из щели выглянул:—Никак хворать вздумала, сердешная?

Бабка Анисья захопотодала, порушку собрала: сухой малины с липовым мёдом кипяточком залила, настояла и пить Танюшке дала. Потом малую на Печь отправила да строго наказала: пятки в шерстяных носках прижимать к горячим кирпичам, сколь терпенья будет. Тогда хворь как рукой съмет.

И слышит сквозь жаркую дрёму Танюшка: то ли котейко в подпечке мурлычет, то ли Печка-матушка новую сказку говорит...

...Проснулись мы как-то зимним временем, а во двор никак—двери открыть не можем, замело напрочь. Толкнули раз и другой—нет, никак не подаётся дверь, крепко, видать, снегом припёрло. День да ночь снежило, а потом вьюжило—света белого не видать! В полночь глухо ухнуло что-то, ровно тяжесть кака рухнула,—и утихло.

Дедко кумекать стал, как выбираться во двор. Поднялся в сенях по лесенке на чердак, к слуховому окну подобрался. Видит: ветром свалило берёзу старую у крыльца, она выход и перегородила. Да и снегу невпроворот. Поди ж ты, кака оказия!

Почесал дедко в затылке, ушанку покрепче нахлобучил, тулупчик плотнее подвязал... Да и ухнул сверху через слуховое окно—прямо в снежное море, в сугробища! Отчаянный, а ведь годов много.

Утонул дедко в снежном море, забарахтался. Хоть и по самые брови снегу—к крыльцу подобрался. Пробует берёзу тягать—та ни с места, здоровущая. Пилить надо и сучья рубить, тогда отодвинуть лесину можно. Отчаялся дед, присел на ствол поваленный передохнуть, глядь—через заборные колья, что едва из-под снега глядят, чуда белая перемахивает, тонкими ногами в снегу вязнет, а брюхом широким по сугробу скользит. Экое диво! Во всю жизнь дедко такова не видал: идёт на него Белый Лось огромной величины, бородой сугроба касается. Слышал он от деда своего, что водится чудной зверь в их лесу—снежно-белый Лось, да сам в такое не верил. А Лосина тем временем по снегу словно проплыл—прямоком к деду!—главу могучую в ствол упёр, толкнул—и отбросил ствол берёзовый сажени на три. Дедко старой и ахнуть не успел, как зверя и след простыл! Только позёмка снежная по сугробу закурилась.

Протёр дедко глаза, взял деревянный скребок и ну снег расчищать! Через малое время уже и двери в дом открыть получилось. Да только бабка деда просмеяла:

—Какой ещё такой Белый Лось? Совсем заврался, старой! Почудилось тебе!

А дед с тех самых пор в лесу кормушки для лосей поставил—в благодарность, значит.

Сказка шестая

*Как Танюшка с бабкой Анисьей
травы целебные собирали*

— Бабаня, когда уже травы собирать пойдём? — Танюшка бабку за подол который день теребит. — Вот погоди, дожди пройдут, ведро станет, созреют травушки, в самый сок войдут — тогда и пойдём. Ты ж моя помога главная! Годи ещё пару дней.

И правда — через пару деньков землю высушило, ночью вывездило, так ясно и хорошо стало. Бабка Анисья две корзины из кладовой достала, малую Танюшке дала.

— Ручонки-то вымой, платок чистой надень и лапоточки покрепше — весь день ходить будем. Матушке-Печке поклонись перед тем, как порог переступить, она нас благословит, чтобы каждая собранная травка впрок пошла, целебную силу явила.

Танюшка всё как следует сделала.

Идут они лесной тропинкой, бабка на любимое место правится, там у неё в глубине леса поляна любимая, заветное место, где травы, значит, берёт.

Идут-приближаются, как вдруг Танюшка говорит: — Чёй-то, бабань, гарью больно тянет. Как с горелого места.

Бабка разок-другой шагнула, густоту кустовую раскинула:

— Ахти, леший тя в бок куси! Палестинку-то мою травяную пожёт кто-то!

Вышли на полянку заветную, а она вся черным-чернёшенька, погорела вся. Посередь поляны остов обгорелый могучего дерева.

— Бабань, то не люди, это в грозу дерево молоньей загло, вот вся полянка и погорела. На что кручинься? Разве трав мало кругом? Ещё найдём-соберём.

Бабка головой качает, но соглашается. Вышли к речке. Вдоль по бережку иван-чай весёлыми всполохами играет. Собрали старая да малая листья и соцветия. Отдохнуть присели на поваленное дерево, глядь — душица там и сям сиреневыми цветочками блазнится.

Там донника пучок навязали, зверобой не забыли, пижму тож уважили и шишечек можжевельника собрали.

Полны корзинки домой приволокли. Печка-матушка довольна: теперь по избе такой травный дух пойдёт: какие травы на чердаке развешат, там сквозняку больше, какие-то плоды на поду, в малом жару сушить станут. По всей избе волны запахов поплывут.

Бабка вечером, когда Печь выдыхала натопленное тепло, под подмела-вычистила, решёта частые на под постелила и травы-ягоды туда ровным слоем рассыпала. Иные травки пучками на

верёвке развесила близ Печи, а большой сбор — на чердак, там всегда сухо и сквозняк, самое то для сушки. Танюшка только глаза прикрыла — и чует, какой дивный дух — колыбельный, многотравный — полнит дом, голову дурманит: чабрец, и мята, и душица, и пижма медовая, — словно лес целебной силой дохнул в избу да и остался здесь.

А матушка-Печка, вдыхая лесные травы, новые сказки придумывала.

Сказка седьмая

Как дедко старой за грибами ходил

Пошёл дед Анисим с утра по грибы — и пропал. Должен был к обеду явиться, а его и к вечеру нет. Уже и сумерки на кусты пали, и солнышко погасло за синей горой — нет деда.

Переполошились-спохватились, растревожились все домашние: Печка-матушка охает, бабка Анисья горячие проливает, Танюшка слёзки роняет... Не бывало такого, чтобы дед днями где-то пропадал, тем более грибы-то — вот они, полшага от порога: лисички хитрящие в траве перемигиваются, боровик гордо маячит, сыроежка весёлая в лукошко просится. И, словно как на ярмарке, мухоморы голоногие безбоязненно торчат скоморшьими шляпами — не берёт их никто, вот и развелось шутов гороховых!

Аукали-звали дедку до самой потеми, окрестный лес обошли, излазили — нету родимого. Уже и осенняя ночь кусты заволокла, и дождь-скороход по листьям зашлёпал, непроглядь — где искать?

Старуха совсем пригорюнилась, платок слезьми измочила. А Танюшка около Печки-матушки совет собрала. Сверчок-немолчок из-за Печи вылез, Тараканишко усиками шевелит — соображает, Умывальник носиком брякнул:

— Ну, родимые, какие будут ваши соображения? — Рассветёт — тогда и пойдём искать! — отозвалась Метла из своего угла.

— Ему ж тоже ночью и страшно, и холодно, — охнула Печка.

— Сверчушка-братушка, а нет ли у тебя в друзьях проводника какого — чтобы лес знал?

Сверчок-немолчок почистил смычок, так и сяк покумекал...

— Есть! Есть у меня народец такой, что хоть ночью сырой и в непогодь в лесу дорогу знают.

— Кто ж такие?

— Тётушка Сова, пёстра голова, да кумовья-светляки, расторопные смельчаки!

— Оно, конечно, добрая рать, но и мои угольки горящие с собой возьмите, фонарь керосиновый да пирогов подовых не забудьте: дедко-то голодный плутает, — прибавила Печка-матушка.

Тотчас снарядились на поиски: в мешок заплечный пирогов с капустой положили, и угольков из Печи не забыли — в малый горшочек прямо из Печи

накидали, и старый керосиновый фонарь тож взяла. Танюшка в тёплый бабкин платок закуталась.

Бабка на Печи от устали и печали уснула, её будить не стали, конечно, так оставили — дом беречь. Умывальник, понятно дело, тож дома остался, и Таракашечка малой — само собой, а вот Метла на какой-то грех увязалась. И пушай, не жалко!

Достал Сверчок-немолчок скрипочку, только заиграл — видит Танюшка: летит на них из темноты тётушка Сова, пёстра голова, глаза жёлтым огнём горят.

— Ну, чего стряслось, Сверчушка? Ах, дедку искать? И светлякову рать на дело берём? Ну, в путь!

Так и отправились: впереди Сова, пёстра голова, жёлтыми глазами дозор ведёт, круги охватывает, вслед ей — светлякова неисчислимая рать по кустам вспыхивает. Да так светло сделалось, что грибы в траве видно. А деда пока не найдут.

Совушка обернулась, маячит: стойте, мол, чего скажу!

— Гляньте-ко на поляну! Никак ведьмины круги деда заблудили-запутали!

Смотрят Танюшка и Сверчок на полянку, светляками и луной освещённую: батюшки, и вправду диво дивное! На поляне широкими кругами бледные поганки стоят, да такие здоровенные, издала на приличные грибы смахивают.

Совушка на коряжку присела, крыла сложила. Умные глаза устала на Танюшку, остерегает:

— Как увидишь таки круги — ходи мимо! Закружат они тебе головушку, заплутают тебя, забудешь, куда шла да откуда родным дымом пахнет. Видно, дедко ваш в такую ловушку попал. Покличь-ка его ещё — может, рядом где.

Танюшка звонкоголосая стала дедку выкликать. Слушает Сова, Сверчок-немолчок навострил смычок; даже Метла, что весь путь ворчала: мол, насмерть устала, — примолкла. И как будто отозвалось что, да глухо так, ровно из-под земли. Или показалось?

И тут светляки враз замигали — знать, чего-то углядели. Собрались в один светящийся круг, словно место указывают. Сова то место облетела и видит: яма лесная — верно, давно уже охотники на крупного зверя вырыли да забыли. Поверху сеном-травой та яма прикрыта, тонкими берёзками палыми, враз и не разглядишь: ну, валежник всякий, хворост ещё на ней лежит. Закружили ведьмины круги дедку, вот он в ту яму и угодил!

Танюшка подобралась к краю, фонарь поставила, глядь — дедуля в яме кряхтит-охаёт, живёхонькой, только глаза от голоду и страху ввалились. Вот где Метла-ворчунья-то пригодилась: опустила Танюшка её в яму, ухватился дед за меллу — тут она характер и явила: только сор лесной столбом из-под прутьев! — вынесла деда наверх!

Так-то. Одна ведьмина сила деда с пути сбила, другая — вызволила!

Из угольков печных припасённых костёр развели, деда обогрели, пирогов поели, сил набрались, а тут уже и рассвело.

Добрались до дому — бабка только охнула от счастья, из Печки-магушки щец да каши достала — деда потчевать стала да выведывать: где грибы-то, старый?

Сказка восьмая

Лоскутное одеялко

Бывает, у нас уже в ноябре зима ляжет и такие морозяки завернут — хоть волком вой, носу не высунешь! Вот нынешней зимой такой оборот случился. Оно ведь как: дровишек берёзовых полно поленицу сложили, в подполе овощ на всяк вкус заготовлен, в сенях да в кладовой травки сухие семена роняют, муки вон здоров короб стоит — значит, зиму выдюжат!

— Больно рано нынче морозы-то нагрянули, — ворчала бабка Анисья, карабкаясь на Печь. — Старый, куда тулуп-то девал? Я им укрываться хочу.

Дедко туда-сюда ткнулся — нету тулупа с косматой овчиной. Почесал в затылке — вспомнил: ездил недавно по дрова, берёзу-сухостоину рубил, скинул тулуп, разгорячился, а потом чейой-то домой заторопился, думал, что кинул тулупчик в сани, ан вот забыл.

— Стара башка забывчива, а я по твоей милости зябнуть стану? — ворчит бабка.

Деду совестно: сунул бабке старое свалывшееся одеялко на Печь: укройся, мол, на худой конец хоть этим!

А Танюшка слушала да смекала: надо-ко бабке Анисье тёплое одеялко шить!

Пошла вечером бабка по хозяйству управляться, а Танюшка сбрала свою дружную компанию: Тараканишко запечный да Сверчок-немолчок, Метла-зануда да брэнчливый Умывальник, — все сообща озаботились: как бы бабке новое одеялко сообразить?

— Давайте-ка лоскутное одеялко для бабули соберём! — предложил Сверчок.

— Ин ладно, оно ж не накладно! — поддержала из угла старая Метла, что весь день мела-убирала, мало-мало устала.

— А на подстёжечку что возьмём? — брякнул Умывальник.

— А мы с барашка Яшки шерсти начесем! — нашла Танюшка.

Начали мудровать, втихомолку от бабки одеялко собирать, чтобы ей приятну радость сделать. Танюшка раным-ранёшенько, пока дед с бабкой ещё свою молодость во сне видели, пробралась в хлев с гребнем да мешком холщовым и начесала с барашка Яшки много тёплой серой шерсти. Плотно мешок набила — довольнёшенька!

Пока дед да бабка управляться со скотиной ушли, Танюшка весь сундук перерыла, свои платьишки, из которых выросла, достала. Сверчок-немолчок платяшки ловко и бережно распорол (смычок-то у него проворный!), Танюшка лоскуты из них нарезала. Разноцветная гора лоскутков получилась. Чего ж ещё?

— Сверчушка, глянь, как будто мало лоскутков-то?— сомневается Танюшка.

— Маловато будет. Эх, трягну стариной для души-то родной! У меня ж смычок не только музыкальный, а ещё и... вязальный!

Глядь, а он уж нитку кудельную с бабкиного клубка тянет да споро так вяжет—глазом не уследишь! Навязал ворох лоскутков—да только все серые они...

Как бы покрасить?

Стали кумекать—а Метла, что все углы мела, всё про всех знает, подсказывает:

— Как же, покрасить очень даже можно: польнь бери—будет тебе жёлтый цвет, ежевичку-ягоду коли взять—в синий покрасить можно, а ежели хочешь коричневый—ольховая кора для такого дела годится.

Так и сделали. Травок да кореньев было немало запасено на зиму. Танюшка шасьт-верть—и покрасила лоскутки. Вечерком на Печи разложила, теплом Печки-матушки высушила и уж на другой день сшивать вместе стала. Работы—немеряно, как бы к лютым холодам управиться!

И тут на помощь добрая братия пришла: Сверчок-немолчок нитку в иглу вдевает, Таракашечка следит, чтобы не путалась нить, Метла старая подсказывает, чтобы цвет к цвету весело ложились, узорно...

Одеялко вышло—загляденье, всю радугу как есть показало! Тут тебе и речной покой, и небесное облачко, и поляна с ромашками, и луг зелёный! И тёплое оно вышло такое—от барашкиной-то шерсти!

Бабка Анисья ахнула да на лавку упала от такой-то лепоты! Любовалась, головой качала да трогала каждый вершок одеялка—сказка, да и только! А потом на Печку полезла. И то—вечер морозный, надо попробовать, каково под новым одеялком-то спится!

Сказка девятая

*Как Танюшка страшного
Росомаха встретила*

В самую осеннюю стынь, когда последний лист летит охапками в окно, сухой и мёртвый, усаживалась Танюшка ближе к Печке—с вязаньем или ещё с каким рукоделием—и слушала. Порой Печка-матушка долго молчала, только сердито трещала горячей щепой да искры снопом пушала.

Тишь да покой в избе. Дед Анисим на лавке дремлет. Бабка тем временем неспешно по дому

хлопочет, Метла-ворчунья ей помогает. Сверчок-немолчок, золотой смычок уснул за Печкой—до весны, Тараканишко в щель забился—неловко ему, вишь, перед всеми разгуливать. Его время—сумеречное.

В такую-то пору самое милое дело—сказки слушать! А Печка молчит. Никак обиделась? Или просто ей глухой осенью скучно стало? Танюшка засмурнела сначала, а потом сообразила:

— Матушка-Печка, а хочешь, я тебе сама сказку расскажу?

Замолчала Печка, даже ветер в трубе гудеть перестал.

— Ну, коли есть чего—сказывай, послушаю.

А Танюшка—петелька к петельке, словно вязанку выводила,—повела свой сказ...

...Иду я раз, Печушка, в чаще дремучей, нынче по осени было. Светляки со мной рядом летят—не страшно, а поверху матушка-Сова, пёстрая голова—следит, чтоб я не заплутала. А в чаще ёлки колючие да кедровые. Вот шишки кедровые в корзинку и собираю.

Вдруг Белочка по стволу—рыжая, вёрткая—и прямо ко мне! И так сердито мне цокает:

— Зачем шишку мою берёшь? Мне в зиму запасов не достанет! Зачем в чаще шумишь, зверьё будоражишь? Ты бы, малая, шла отсюда подобру-потиху, а то злой Росомах рассердится, всем худо будет!

Какой такой Росомах? А сама отвечаю:— Ладно, мне уже шишек довольно, до дому пойду. Пушай себе твоей Росомах не тревожится!

И только сказала—потемнело в чаще, как ночью стало, кедровые зашумели вершинами, лист сухой вихрем поднялся, ветер верховой взыграл, такое смещение сделалось! Сойки кричат, кедровки трещат, белки по веткам мечутся, светлячки враз куда-то исчезли, а Совушка-Сова в ближнее дупло юркнула—схоронилась.

Что за притча? Испугалась я, на валежину присела одуматься. А Белка цокнула и на вершину кедрового метнулась.

Ахти, ёлки-иголки! Сквозь сумятицу эту, как тать ночной, мягко лапами ступая, глазами горя, Росомах крадёт, да такой громадный—в целую избу!

Как спастись? Корзинка с шишками покатилась, глаза сами закрылись... А, будь что будет!

А всё ж таки любопытна! Приоткрыла я один глаз. И Росомах страшнющий на меня во все свои зелёные глазюки таращится! Шерсть бурая дыбом на загривке, и зубья жёлтые острые скалит... Нет, лучше не смотреть!

И вдруг словно легко дунуло—прямо около лба. Глаза открыла—а это Совушка-Сова из дупла—мах!—и шумными крыльями прямо на громадного Росомаха замахала. И грозно ка-а-ак ухнет

на весь лес!—аж шишки с кедра посыпались! Пуще, чем от ветра!

И от того маха Совиного Росомах чудом уменьшаться стал, словно таять на глазах,—и вот уже не больше собачки Катайки, той, что у порога у нас в избе лежит.

Тут я уже на него топнула:

—Ишь, михрютка зубастая, недотыкомка серая! Шороху тут навела! А ну!

Только лист сухой взметнулся—и след Росомахин простыл!

—Эгей, косматый! Люби меня—ходи мимо!

Поклонилась я Совушке-Сове, бесстрашной голове—спасла от дремучего чудища! А та и говорит:

—Это у страха глаза велики! А коли не испугаешься, эти злоки сразу меньше собачки становятся!

С тем словом и до дому проводила меня...

...А матушка-Печка всё вздыхала и слушала.

Сказка десятая

Как куриный бог от Кикиморы избавил

По утрам, когда бабка уходила во двор со скотиной управляться, а Танюшка уже уборкой и стряпнёй занималась, когда дед уходил рыбачить на ближнюю речку, а мелкие домочадцы, тараканишки да сверчки, ещё сказочные сны свои досматривали, в доме стояла благодатная тишина. Танюшка тесто обминает—за ночь подошло, Печь растапливает. Поленья крупные берёзовые в горнило укладывает домиком, меж ними кусочки бересты, и заслонки все открыла, чтоб скорей да живей разгорелось. Танюшка знает: когда совсем уж весело дрова затрещат, надо кочергой передвинуть очаг в глубь горнила и потом, когда прогорят поленья, яркие уголья равномерно по поду разложить, а заслонки все закрыть, чтобы жар в Печи накапливался. Матушка-Печка вздыхает широко, новую сказку готовится рассказать Танюшке.

—Ахти, окаянные, кыш, управы на вас нету!

—Чего это бабка с утра пораньше развевалась так? Просто курам на смех!—засмеялась Танюшка.

А тут уже бабка Анисья в избу входит, руки все в курином пере, и полный подол свежих яиц.—Танюшка, беда-то кака! Кто ж то двух курей у нас ночью уволок?! Да столько пера натеребил с других—видно, не давались несучки-то!—а сама головой качает да яйца по штучке в плетёнку выкладывает.—Али вор какой, лиходея лесной повадился? Лиса, что ль?

Бабка Анисья не надивится: сроду лисы из ближнего леса курей у них не таскали!

Поворчала бабка да хлебы в Печь поставила. После и за прялку села: много шерсти с барашка Яшки нынче начесали—надо-ко уже и прясть. Да только что за беда? Путается пряжа, да и только!

Чуть было распутает бабка Анисья нитку—опять запуталась! Да что ж за лихо такое?

И Танюшка озоботилась, совет свой малый созвала: Сверчок-немолчок из запечья выбрался, Таракашечка малой из щели выполз, даже ворчунья Метла и брэнчливый Умывальник проснулись и свои охи да вздохи на совет принесли.

—Туточки что-нибудь неспроста,—Танюшка говорит.—Вы примечаете, что-то неладное в избе в последнее время творится?

—Верно, кто-то нам козни строит?—задумался Сверчок-немолчок.

—Домовой-соседка вроде давно не шалит, в погреб сидит, запасы наши сторожит,—подала голос Метла.

И вдруг печная вьюшка как загремит! Все аж вздрогнули: да кто ж то шалит неуёмно?

—Надо-к нам, братцы, наблюдать тихонько да словить шалуна-разбойника,—предложил старый Умывальник.—Вывести эту нечисть на чистую воду!

И стали прислушивать да примечать, что неладно в избе и во дворе. Днём вроде всё шло своим чередом, а вот к вечеру...

Дед Анисим с рыбалки вернулся не пустой: пару щук поймал! Бабка довольнёншенька, щучью уху готовит, наваристую, душистую. Вдруг кто-то её за юбку сзади—цап-царап! Обернулась—да нет никого! А Танюшка, что на лавке сидела с шитьём, востроглазая, заметила: словно что-то серое, вёрткое, как хорёк, метнулось у подола—и, как облачко зольное, растаяло! Ведь не мышь это, не кошка, не зверь лесной!

—Бабка, куда лапоть-то мой девался?—дед в сенях какой-то утварью шуршит.—Только тут был, а щас нету!

—Да сам, мож, под лавку закинул, а теперь нас баламутишь!—бабка с досадой рукой махнула.—А и Катайка могла загащить куда-нито. Ищи уж!

Собачка Катайка обиделась и клубочком у порога свернулась—сроду она не озорничала.

—А вон в запечье что валяется?—бабка выгатила дедов лапотов и ему бросила.—Совсем, старой, из ума выжил, не помнишь, куда закинул!

—А шапка-то где?—дед руками развёл: да что ж за напасть такая!

Глядит: а шапка на лежанке, на Печи лежит, а на ней, как на перинке, котейко греется. Хватанул шапку, пхнул котейку, тот мякнул с обиды и в подпечье схоронился.

Прямо лихо какое-то! Словно кто озорует! Оно вроде дело пустяшное, а и непонятное!

Дед со двора вернулся и к Танюшке:

—Я тебе тут приберёт штукловину, нашёл нонче, когда рыбалил. Не клевало—камушки перебирал береговые, вот какой диковинный нашёл.

Глядит Танюшка, а камешек-то непростой, в нём дырка сквозная посередке. Ишь ты, затайливо!

А матушка-Печка, что весь вечер молчала, тут голос подала:

— Да ведь это, Танюшка, и вправду непростой камешек — куриный бог называется. Силу этот камень имеет и всякому, кто им владеет, благо и добро сулит, а нежить да нечисть всякую — отгоняет.

Танюшка нитку крепкую сквозь дырку продела и на шею камешек тот повесила. Первым делом в курятник пошла. А уж из избы выходя, слышит: опять что-то неладное в курятнике творится! Орут куры, словно кто их ловит да хвосты вырывает! Ну, держись, разбойник!

Подкралась Танюшка и в щёлку глянула. И видит: несущки всполошились, кудахчут, перелетают с места на места, и посередь этой суматохи мечется что-то серое, юркое, да словно и на курицу похожее... Пригляделась Танюшка, и видится ей какая-то маленькая, чуть больше кошки, исхудалая женщина в лохмотьях серых, с куриной головой и ногами.

Ахти, да ведь то Кикимора! Вон оно, лихо-то мелкое, нежить серая!

Танюшка отважилась да дверцу в курятник распахнула:

— А ну, матушка-лиходейка, убирайся подобру-поздорову! — а сама камешек-то словно вперёд себя держит.

Как взвизгнула Кикимора, как вскинулась — только перья куриные вокруг вихрем взметнулись! И пропала, как не было.

И с тех пор более не показывалась, ни кур, ни людей не тревожила, не куражилась вечерним временем, из-за Печки не выглядывала.

Знать, куриный бог, камешек-то этот, тайную силу против всякой нечисти имеет!

Сказка одиннадцатая-двенадцатая, единая, двухчастная

О том, как к зиме готовились да за дровами ездили

К Покрову готовились загодя, оно ведь как: иной раз врасплох ранняя зима завертит, и Печь-матушка не спасёт, коли изба плохо утеплена.

— Печка-матушка, а отчего мороз и метель бывают? — допытывается Танюшка.

— Деды сказывали, что морозы, мол, приносят злые духи. Бегают они по садам да полям и утапывают пятками снег.

— Оттого и трещит мороз? Им не холодно голыми пятками по снегу? — допытывается малая.

— То ведь бесы, злые духи, они сами сеют холод и тьму, им не холодно, а вот добрым людям... Когда же духи дуют в кулак, поднимается сильный ветер, начинается метель!

— Знаю-знаю, сугробища такие наметает — из избы не выберешься! — кивает Танюшка. — Дедуны, ты

меня по дрова в лес возьмёшь? Когда уже соберёшься? Дров-то мало на зиму заготовили!

— Погоди, егоза, всему время. Сегодня избу утеплить будем! Зови свою рать на помощь!

Берись дружно — не будет грузно! Сверчок-немолчок отложил смычок, вместе с Тараканишкой пазы конопатят между брёвнами: весной птички на гнёзда повыдергали мох да паклю, так надо поправить дело. Дед сначала дверь в избу изнутри утеплил, войлоком обколотил, потом взялся завалинку к избе пристраивать. Бабка замазкой щели в оконных рамах замазывает да полосками льняными заклеивает, между рамами мох кладёт сухой, рассыпчатый, а на него то рябинку пристроит, то шишку кедровую — такое загляденье получается! А котейко Уголёк и собачка Катайка щели в полу варом заделывают.

К вечеру только управились — много работы! А Печка трещала, гудела да песню пела:

— Батюшка Покров, покрой нашу избу теплом, а хозяина добром.

Да вот только на Покров снежка не было. Не всякий год случается такое. Легонько дождичек с утра пробрызнул, а весь день тихий да тёплый простоял. Дед подивился и в одной рубахе пошёл во двор лучину щипать.

— Погодим, Танюшка, за дровами теперь по зимнику поедем!

Тёплая выдалась осень, долгая. Однако ж на Фёдора Студита, как полагается, суровые ветры взыграли. Но не страшны ветры люты, что волками голодными воют, коли в избе все щёлочки-углы утеплены.

Бабка обминает тесто да приговаривает: — Со дня Фёдора Студита станет холодно-сердито!

А Танюшка вязанье отложила, к ветру прислушалась: носится ветер вокруг избы, воет в печной трубе, бьётся в бессилии о закрытую вьюшку.

Через пару дней густой снег пошёл, всю землю укрыл. Морозка окна ожёг, густым кружавчатым инеем наличники изукрасил. Скрепчал снежок, подмёрзла дорога. Дед Танюшке говорит:

— Вот теперь можно и за дровами! Завтра, как развидняет, Карьку запрягу, да поедем.

— Пошто дитя морозить хочешь? — бабка ворчит, чугун в Печь ставит.

— Бабань, так вдвоём же веселей, сподручнее! Мы тебе знаешь каких дров привезём — жарких да звонких! — Танюшка коли чего задумала — не отстанет.

Запряг дед старого Карьку-конягу, Танюшку в дровни усадил, овечью доху в сани кинул, тулуп покрепче подпоясал да по снежку, по лёгку морозцу в лес отправился.

— Дедко, а нам каких дров надо? Всяко дерево стодится? — Танюшка допытывается.

— Не всяко. Осину брать не будем, недружно горит, больно много золы даёт. Вон, видишь, берёзовый лесок? Туда сперва правим.

— Как же ты, дедуль, берёзу большую рубить станешь? Силы-то хватит? И не жаль тебе—берёзу-то?—Танюшка деда вопросами засыпает.

Уже не рад старой, что егозу с собой взял.

— А ты глянь-ко, в стороне от леска, где ёлка кривая, сухостоина торчит берёзовая. Она уже неживая и высохла хорошо. Лёгкая-звонкая в Печи будет!

И правда, сухая берёза словно сама пала, когда дед подрубать её стал. Сначала сучки обрубил, сделал вязанку—Танюшка помогала вязанку держать, потом ствол на чурочки порубил, в дровни сложил. — Руби шибче́й, в Печке будет горяче́й!—дедко рубит, а сам прибаутками сыплет:

— Ой, стужа да мороз, на Печи мужик замёрз!—а Танюшка-то заливаётся, хохочет!—и не холодно им, разгорячились от работы.

— Дед, а ёлку рубить будем? Смотри, какая разлапистая!

— Что ты! Горит-то она отчаянно, пых—и нету! Да только больше треска да искр с неё, чем тепла. А вон, гляди, лиственницу бурей свалило! С корнем выворотило! Как бы нам с неё немножко веток отрубить?

Изловчился дед—старый уже, а сноровистый,—отрубил с коряжины несколько витых смолистых закорюк.

— Дед, а чего это так рано темнеть стало? Мы ж с тобой сразу по раннему солнышку в лес отправились!

— Ахти, ёлки-иголки! Поспешать надо! Вон какая туча снеговая идёт, не попасть бы в метель-непогоду!—спохватился дед.

В дровни побросали добришко и дровишки—и ну погонять Карьку старого! Да куда там! Туча снеговая враз небо облегла, и словно пуховую перину сверху распорили—повалил снег такими хлопьями здоровущими, что ни неба, ни дороги—рукавицы своей не видать!

— Дедко, скорей погоняй! Пропадём!—кричит Танюшка, а снег ей глаза залепляет да набивается в рот.

Шаленка с головы сбилась, волосёнки растрепались, вцепилась в дедов тулуп, а тот знай Карьку нахлёстывает. Успеть бы!

— Дожой укройся!—дед кричит.—В сани ложись да крепче держись!

И только крикнул—как вдруг ухнуло всё куда вниз, в снежные тартарары, вместе с дедом, Карькой, дохой и дровами! Услыхала Танюшка только, как жалобно заржал старый конёк—а потом проглотила всё снежная тьма.

Пришла Танюшка в себя—что за оказия?! Глухо, тихо, снежно, дедов тулуп рядом, и сам дед не тужит—смеётся.

— Мы это где, деда? А сани и Карька где?

Дед треух поправил:

— Я так смеако: вывалились мы с тобой на полном ходу из саней да прямиком в овражный сугроб! Хорошо, снег пуховой да овраг неглубокой. Живые да невредимые! Ишь ты, в доху вцепилась как, за собой её утянула,—смеётся дед.—Утихнет метель, выбираться станем.

— Не замёрзнем, деда?

— Не дадимся! Дрова-то нам на что?

Огляделась Танюшка: метель поверху идёт, в овраг не задувает; с одной стороны сугробно, и словно бы снежный козырёк свисает—укромно, как в снежном шалаше. Из-под снега ветки и травки сухие торчат, коряжка какая-то...

— А Карька-то как? Пропадёт теперь?

— Не должен пропасть. Шерсть у него тёплая, мохнатая...а дом кони за версту чувят и приходят, не плутают. Только бы волки не погрызли нашего конька!—а сам уже трубочку берестяную из-за пазухи достаёт, лишайник на коряжинке собирает.

Расчистил место вокруг коряжки-листвяжки, а из холщового малого мешочка, что на поясе носил, добыл кресало и кремень.

Танюшка и глаза выгаращила! Ну дед-чудодей!

А дед давай огонь высекать так, как пращурцы его делали. Искры так и полетели на сухой мох и бересту! И вот уже малый огонёк занялся, трут берестяной запалил, дед поверх бересты хворосту подкинул и под кряжик пристроил. Сперва полой тулупа прикрывал да раздувал. А потом огонь уцепился за коряжинку смолистую, окреп, заиграл. И что им непогода с таким-то костерком?! И метель вроде утихать стала...

Танюшка дохой укрылась, шаленкой замоталась, тулупчик свой покрепче подпоясала, из валенок снег вытрясла и поближе к костру подобралась. Не успел огонь разгореться, как слышит Танюшка сквозь метель, словно идёт кто-то, прямо к ним в овраг спускается—белый, громадный. Медведь? Росомах лесной? Или уж сам дед Буран пожаловал?

Дедко присмотрелся к белой глыбище: ахти Господи, да то ж старый знакомец его—Белый Лось! Здоровенный, снежной бородой трясёт, на гривке комья снега намёрзли.

— Милости прошу к нашему шалашу!—только дедко и вымолвил.

А чудо лесное подходит, не боится, колени преклоняет могучие, словно приглашает дедку и Танюшку к нему на горбушку вскарабкаться. Взгромоздились кое-как, в гривку вцепились, страшатся! Дивно им на хребтине дикого зверя сидеть. А он идёт сквозь метель, не колышется, мощно и ровно плывёт. Костерок-то он погасил—только копытцем лягнул!

И до дому доставил деда с Танюшкой живёхоньких! Там уже их и Карька косматый дожидал, сам добрёл к избе сквозь метель.

Бабка, что все слёзы пролила, какие полжизни копила, обомлела при такой дивной картине! А Лосина Белый тихохонько на колени опустился, чтобы горе-дроворубы спустились с могучей спины. И ушёл в белую мглу, даже гостинца не взял. Во как! Это что! Ещё и не такие чудеса в наших Печкиных сказках случаются!

Сказка тринадцатая

Мышь-подпечница

Рано нынче первый снежок упал—только-только ноябрь-студень засвистел ветрами, загудел в печной трубе сердито-порывисто, заставил окна законопатить, укутаться потеплее да к Печке-матушке теплее прикорнуть.

С утра в избе сумеречь, поздно солнышко просыпается, да и не всякий день улыбается. То хмарь, то морось, то мухи белые—не поймёшь, день ли, вечер. А тут вдруг засветлело в избе.

— Не пора ль тебе, дед, валенки доставать?—озаботилась бабка Анисья.

— Рано, старая, погода. Первый снежок—не лежок,—дед с тёплой лежанки слез, зевнул да на лавку сел.

А Танюшка головёнку конопатую с Печи свесила, уж очень хочется ей по первому снежку порезвиться.

— Дедуль, а мои катанки где схоронились?—спрашивает.

— Поди-ка в сенях, я их полотном обернула, чтоб моль не ела,—бабка Анисья про всё в избе ведаёт, ну почти как Печка.

Танюшка с Печи кубарем—да в сени! А и правда, вот они, валеночки прошлозимние. Ловкие, удалые да тёплые! Не малы ли стали? Прямо голую ножонку в один валенок и сунула. Да как взвизгнет! Да как подпрыгнет!

— Ой! Там сидит кто-то! За ногу меня цапнул!

Наклонила валеночек, а оттуда Мышь шашь—и в подпечек!

Дед Анисим смеётся:

— Хорошее себе гнёздышко шустрая свила! Только что мышат не вывела!

Осерчала Танюшка на Мышь, вертит валенок: там и сям подпорчен он Мышьим зубом, не годится в носку. Да и выросла у неё ножонка, новые надо.

— Ну так мои, что ль, надевай!—бабка ещё с осени в катанках по избе переваливается, болят у старой ноги-то.

Танюшка скорей в бабкины нагретые валенки выпрыгнула да на улицу выскочила. А там приволье, первоснежное раздолье!

А Мышь тем временем в подпечье притаилась и не тужит. Вот ночью Печь после топки остывать стала, а серая подпечница—шур-шуршур—выбралась из убежища да между заслонкой

и кирпичом с шестка на под юркнула. Хозяева спят, а ей-то раздолье! Пока пшённу кашу с тыквой варили, иные крупинки да кусочки из чугуна выпали—а ей угощенье; а вот и хлебная корочка малая—от вчерашнего каравая отвалилась; а тут вот подсохший кусочек картошки—цельно пированье, да и только!

Тепло старику в ночи на доброй-то Печи—не слышит Мыши. Бабка на лежанке от тепла размлела, до утра захрапела. А у Танюшки-вострушки сон чуткий, лёгкий. Вот слышит она: шуршит кто-то. Головёнку приподняла, прислушалась: верно, шуршит. Да прям в Печке! Ой, опять Кики-мору, что ль, принесло? Или Домовой-соседко по горшкам-чугунам шарит?

Бойтся Танюшка, а всё ж тихонько спустилась с Печи. А ночь лунной богатая, снегом в окно светит, каждую половицу видно. Танюшка заслонку тяжёлую чуть в сторону сдвинула, глядит в щёлку—ах ты, проказница мышатая! Мышь смекнула—и не успела сморгнуть Танюшка, а подпечницы как и не было!..

Танюшка поутру рассказала, чего ночью видела. Посмеялись все, и только: пушай Мыша живёт, для неё в печном теремке навсегда крошка найдётся!

И только серый котейко не шутя осерчал: чего это Мышь по избе шуршит, кусочки подбирает? Глядишь, потомство народит, так все запасы на зиму потравят зубастые-мышастые!

— Чегой-то наш Уголёк смурной такой? Наохлился, нахмурился—никак к непогоде?—бабка говорит.

А Уголёк хитро не думал: к ночи, когда все уснули, и Сверчок за Печкой умолк, и Печь остыть стала,—прыгнул на шесток, забрался в пустой чугунок, схоронился и глаза погасил—караулит Мышь.

А подпечница к тому времени проголодалась и выбралась из своего укромного местечка. Усиками повела—как будто тихо. А запах какой из устья печного! Бабка на ночь на под остывающий сушить всяку вкусноту насыпала: яблочек резанных, моркови и репы. Вялятся кусочки в печном тепле, ещё слаще становятся. Сытно, вольготно да благодатно, и можно в логово подпечное запасы натаскать,—смекает Мышь.

А Уголёк не дремлет, слышит: разбойница в Печи, что в своём амбаре, разгуливает. Ждёт он: вот наестся Мышь до отвала, натаскает в логово запасов, совсем страх забудет, а он ка-а-ак выскочит!

Совсем измаялся котейко, ожидаючи нужной поры. Слышит, заслонка глухо звякнула: юркнула, негодница, из устья печного вдвое толще прежнего. Попалась!

Напружинился котейка да ка-а-ак выпрыгнет из чугунка! Ахти, страсти! А чугун-то тяжёлый от прыжка котейкина да и грохнулся с шестка, по полу

покатился. А Мышь-пролаза — юрк! — и даже хвостика Угольку не оставила! Улизнула, окаянная!

А всю избу побудил чутунок-то котейкин! Повскакали как встрёпаны.

— А? Чегой-то? Кто грохоту наделал? — дед с досады шапкой в котейку кинул.

Приуныл котейко, сидит у подпечья, где Мышь спряталась, и хмурюю думу думает.

Танюшка его оглаживает, успокаивает:

— Не тужи, Уголёк, я тебе сметанки из погреба достану! А Мышь-подпечница пушай себе живёт-шуршит, нам добра на всех хватит!

Сказка четырнадцатая

Далеко ль до весны?

Тянется зимованье — конца-края ему не видать. Словно в одно долгое полотно дни шить: то люто вихрит-завывает за окошком, так что кажется — Домовой-соседко в трубе рулады выводит; то морозка все стёкла ожжёт своим студёным жаром — ни света Божьего не видать, ни прохожего-проезжего на дороге, только синее узорочье густо вьётся — всё леса неведомые, всё цветы диковинные, а в них по временам вспыхивает золотым огнём редкое солнце. Смотрит Танюшка на узоры дивные как заворожённая, в бабкину шаль кутается. Продышит малую полынью в серебряном плотном покрове, глазком зыркнет, как синица вострая, в голубую стынь — глядь, а уж затянулось тёплое озерко новым узором, и опять ничего не видно.

Печка-матушка всю зиму спасала, вкруг неё вся жизнь и вилась: с утра затапливать, да хлебы в Печь ставить, да пироги стряпать, когда и кашу пышную пшённую на поду томить. Трещит Печка-матушка в самый мороз ещё веселей, под вечер словно мурлычет, чего — не разобрать. Дедко на Печи сидит, снасти рыболовные чинит, бабка Анисья по избе шуршит, на Катайку, стару собачку, да на Уголька, котейку рыжего, ворчит — всё они к ней под ноги попадают, полы мести мешают. — Баба, когда весны ждать? Зима уже надоела — весь хлеб поела!

— Это ты, родимая, у Печки-матушки спрашивай, ей все приметы ведомы.

— Матушка-Печка, молви словечко! — привалилась Танюшка к тёплому печному боку да слушает. — Танюшка, ты терпения наберись, да присматривай, да примечай. Вот завтра какой день — знаешь? — спросила Печка.

Малая только плечиками пожала: сроду в их избёнке календаря не водилось!

— Э! Аксинья-полузимница завтра. По ней о весне говорят: коли будет завтра тихо да солнечно — значит, и весна будет тёплая да дружная; а коли ветер или сильный мороз — ждать нам поздней весны.

Назавтра Танюшка раньше всех, ещё потемну, встала, умылась, косички заплела и давай

в замороженно окно глаза тарашить. Вскоре бабка поднялась — с вечера тесто на пирок-сборок ставила.

— Ты чего так рано-то?

— Надо мне, бабаня, сегодня за солнцем примечать, оно весну покажет!

— Чудна головушка, да ведь до весны далёконько! Ещё сретенские морозы ударят через неделю, да марток — наденешь трое порток!

— Не хочю трое порток! — Танюшка насупилась. — Зачем весны долго ждать?

Бабка только головой покачала:

— Ты давай-ка лучше мне сборок помоги стряпать!

Тут Танюшка завсегда помога: хоть крошево сделать, хоть тесто раскатать — всё умеет. И почему такое смешное название у пирога — сборок — тоже знает. Когда к концу зимы запасы всякой снеди истощаются, приходится начинку сборную делать: того чуток, этого кусочек — вот и сборок! До чего вкусный получается! В нём и лучок, и морковка, и репка, и всё что хошь!

Стряпает, косички все в муке, а всё рта не закроет:

— Бабань, пошто Сверчка давно не слышно?

— Не пора ему, значит, песни заводить, спит твой Сверчок до самого тепла.

— И Таракашечка малой?

— Он, небось, тоже в каку-нито тёплу щёлку за Печкой забился и там зимует.

А тут вдруг солнечный зайчик на стене заиграл — и другой вслед за ним! И пошли гоняться друг за дружкой!

Танюшка аж подскочила!

— Ага! Печка-матушка, весна скоро! Пеки скорей пирок-сборок, я с ним весну встречать пойду!

Испекла Печка-матушка такой душистой и румяно-нощёкий пирог, такой сочный да крутобойкий, словно само солнце вкатилось в избу! От вкуснющего-то духа даже Сверок-немолчок проснулся за Печью, вылез, приосанился и весеннюю песенку заиграл:

Ещё чуток — Сверчок на пирог,
марток на порог —
и весну встречать,
добро привечать!

Сказка пятнадцатая

Марток на порог. Кто кому помоет?

Казалось, зимней тяготы не переждать: тянется одна вековечная зима, поёт под свои серебряны гусли. Поленница вдвое уже убавилась, вон столько полешек в тепло ушло — не сосчитать!

А всё ж весна-молодица в двери стучится! Протальник-марток растопил на окне ледок! Уголёк проснулся, шубу свою рыжую распушил, спину выгнул, потянулся и зевнул во всю котейкину пасть! Зажмурился сладко от вешних лучей, заурчал.

— Вот ведь животинка Божия—тоже тепло зачуяла,—бабка Анисья говорит.—Капельник-мартчистую радость дарит, песни звончатые заводит! — Это как, баба? — Танюшка от солнца сощурилась не хуже Уголька.

— А не слышишь разве, как стучит? Ровно гость дорогой, что гостинцы привёз!

И такой начался под окном весёлый перебой капель, так воробышки растрещались радостно, что даже дед старой отряхнул трех свой да в чулан забросил!

— Ну всё, старая, перезимовали—и тулуп с плеч, и шапку побоку!

— Глянь-ко, лихой какой! То ж марток—наденешь трое порток! Ты на ярмонку-то поедешь, пока дорога крепка ещё, не развезло?

— А вот завтра и соберусь!—храбрится дед.—Ещё таких гостинцев вам привезу!

— Дедунь, меня с собой возьми!—Танюшка канючит.

— Э-э, нет, ты мне туточки нужнее,—бабка не отпускает,—и со скотиной управить, и по дому прибрать, и встряпне помочь.

Не пустила бабка Танюшку, уехал наутро старый один.

— Свистулেক мне привези!—Танюшка кричит, вслед машет.

Не слышит дед, знай Карьку мохноногого погоняет.

— У нас с тобой, Танюшка, забот невпроворот! Весна молодится, а нам трудиться! Огляни-ка двор, избу да огород.

Оглянула Танюшка скромное их царство-государство—руками всплеснула! За всё братья надо: сугробы подтаивают во дворе—убирать, а то грязьца будет непролазна; в курятнике, да в коровнике, да в хлеву чистить надобно, на огород навоз таскать, он сгодится землицу удобрить; много свету в избу вошло, углядела, что и Печь белить пора, и занавеси-скатерти стирать...

— Бабань, да тут в один день не справимся! А ну, где мои други-помощники?—и с норовом как топнет! В ладоши ка-а-ак хлопнет!

Топнула-хлопнула—ан не бежит никто! Не торопится пособить.

Растерялась Танюшка. А все при делах. Катайка косточку грызёт в конурке, поварчивает. Котейко на подоконнике зайцев солнечных ловит. Мышь-подпечница гнездо из войлочных клочков и сухих травинки свивает, скоро у неё потомство появится писклявое, прожорливое. А Сверчок-немолчок с Таракашечкой усы из-за Печки высунули—да спрятались опять! Рано, мол, проснулись.

— Да ты не бойсь,—бабка говорит.—И на друзей своих не сердчай. Они не только в твоей сказке живут, но и в своих заботах-хлопотах. Ты у Печки-матушки спроси, как теперь быть.

— Матушка-Печка, молви словечко!

— Ох, родимая, трудно мне и слово молвить, и дышать не в силах: видно, с трубой неладно.

Делать нечего: стала карабкаться Танюшка на крышу. Взобралась на самую кровлю—ух, страшно! Бабка снизу глядит, охает, головой качает.

Заглянула малая в печную трубу: и правда, сажей зарос дымоход.

— Слезай, бедовая, какой с тебя трубочист?!—бабка снизу кричит.—Уж как трубу прочистить—и сами справимся! Поди-ка вчерашни очистки картофельны принеси—ведро, не меньше.

Засыпала бабка ведро подсохшей картофельной коржур в самое горнило—дивится Танюшка! — Ещё соли давай! Деду я заказала, привезёт. Туес соли тащи!

— Бабань, да ты никак соль с кожурой печь будешь?—выпучила глаза Танюшка, а сама думает: не спятила ли старая?

— Так ещё моя бабка делала. Начнут гореть очистки и соль—особые в них силы есть: тотчас сгорает вся сажа в дымоходе! Труба и прочистится.

Не прошло и часа—вылечили Печку-матушку, вздохнула она свободно:

— Ох, родные, кабы могла—поклонилась! О чём ты, Танюшка, крушилась? О чём печалилась?

— Да ведь моя братия на помощь не идёт!

— А может, им твоя забота тоже нужна? Ты смейкай: ищешь помощи—сама помогай! А они тебе друзья верные!

Добрый Печкин совет Танюшка не дослушала, во двор выскочила, соломы из сараюшки принесла да Катайке в конуру постелила. Котейке рыжему частым гребнем шерсть расчесала, молочка налила, а Мышке-хлопотунье горсть зерна бросила. Хотела придумать, как Таракашечку со Сверчком удолговствовать, а те уже выбрались из-за Печки и усы растопорчили: мол, готовы пособить в любом возможном деле!

Ух и закипела работа—аж пыль столбом, а дым коромыслом! Печка хлеб душистый печёт, Танюшка с Катайкой снег во дворе сгребают да в бочку огромную кидают: стает—будет водица, всем пригодится. Метла-ворчунья все углы вымела, паутину с углов убрала. Уголёк самовар начистил, глядится в него, собой любится!

К вечеру и дед с ярмонки вернулся—полны сани гостинцев: и свистули глиняны, и кони пряничны, и платок бабке посадский, а Танюшке сарафан, весенними цветами изукрашенный! Всем угодил, да и сам подивился: каково в избе стало чисто, тепло и душевно!

Сказка шестнадцатая

Чудесная свистуля

Дедовы подарки словно красок весне добавили! Заиграла жизнь в избе пуще прежнего! Бабка Анисья платок узорный посадский раскидывает—

не налюбуется! Розовы цветы по красному полю, и завитушки, и листья зелёные—ай, глаз радуется! Потом, правда, в сундук убирает да приговаривает:

— Пущай полежит хоть до Маслёны, ужо надену, покрасуюсь!

Танюшка дарёный сарафан примерит, по избе в лапоточках выписывает, так и сяк повернётся: хороша ли, пригожа ль она в обновке? Дед с бабкой на неё не нахвалятся: и сидит сарафанчик ладно, и цветом баской, весёлый.

Вздохнёт Танюшка, уложит сарафан рядом с бабкиным платком в сундук да скажет:

— А вот, деда, возьмишь меня на ярмонку—надену!

Печку-матушку побелили, обиходили: стала она дышать горячо и полно! Звонко-весело трещат берёзовы полешки в горниле, томятся в Печи щи капустные наваристые да каша пшённая, а по вечерам, когда последние угольки кочергой расшурует бабка да по поду разровняет, Печка словно теплом всех обнимет и новые сказки рассказывает.

Из всех подарков, дедом привезённых, очень уж приглянулись Танюшке три свистули глиняны: расписные, забавные, в виде птичек. Заберётся Танюшка по вечеру на Печь, свистули достанет и пробует, как звучат. До того звонкие—словно птички трели в избе раздаются!

Только бабка Анисья ворчит:

— Поди, Танюшка, во дворе свисти, а то в избе уж сильно пронзительно! Только задремлю, а тут ты со своими свистулями!

Особо пришлась по душе Танюшке одна красная свистулька-птичка.

Вот вышла Танюшка на крылечко:

— Куда это Катайка запропала? Не видать нигде. А ну-ка, свистуля, зови Катайку!

Танюшка и дунула в свистулю разок-другой. Такая заливиная трель вышла!

Глядь: Катайка откуда ни возьмись на крыльцо прибежала, заливаётся, лаёт радостно и прискакивает!

«Ишь ты! Никак это свистуля мне помогла?»

— Попробую ещё раз! Пущай бабаня кулебяку рыбную испечёт!—и опять в свистулю дунула.

— Танюшка, ты где там?—бабка из избы зовёт.— Я твою любимую кулебяку с белорыбицей в Печь поставила, скоро поспеет!

Танюшка аж подпрыгнула! А ведь свистуля-то непростая! Надо-ко ещё проверить!

— Пущай дедко меня на ярмонку возьмёт на Маслену неделю!—дунула в свистулю, а сама в избёнку: надо ж бабке помочь стол накрыть, а то вечерять пора. И кулебякой как пахнет!

— А ведь и правда: чего малой в глуши-то куковать?—дед Анисим говорит, румяную корку от кулебяки отламывает.— Вот ужо сvezу тебя, Танюшка, на Маслену неделю на ярмонку—поглядишь веселье удалое да покрасуешься!

Ахнула Танюшка, свистулю в ручонке зажала—волшебная!

С нею и спать на Печь залезла, спрятала под подушку, не спит, ворочается: что бы ещё такое загадать, чтобы свистуля исполнила?

Поутру бабка Танюшку отправила в курятнике чистить да коровёнку доить. А у малой всё свистуля из головы нейдёт. Что бы эдакое чудесное загадать?— Стой, Беляна, не балуй,—Танюшка корову оглаживает.

Лушка-телушка в запуске, стоит, рыжи бока раздуты, а Беляна даёт зимой молочка мало, вот Танюшку и посылают к ней: уговоривать да обихаживать.

Подоила Танюшка Беляну, сенца сладкого коровёнкам подкинула да вернулась в избе.

— Бабуль, ты куда подушку с Печи девала? Где свистуля моя?—всполошилась Танюшка.

— Да я ведь подушки все хлопать взялась и постель выбивать-трясти. Тут, по избе, ищи, мож, где выпала твоя свистуля.

Ищет малая свою чудесную свистулю—нету!

Уже и Уголёк ей помогает, и Мышь-подпечница по углам шмыгает: не могут найти! Как есть пропала! Танюшка в слёзы: где моя свистуля?

А Таракашечка малой из щели вылез и говорит:— Я в избе все щёлки-уголки знаю! Сейчас посмотрю!—и давай по полу рыскать.

Ахти, ёлки-иголки! Стащила бабка подушку с Печи да, верно, стряхнула заодно и свистулю на пол. В уголку за кочергой Таракашечка малой такую большу щель нашёл, что тотчас догадался: в неё-то свистуля и угодила! В подпол попала! Вот где искать надобно!

— Ты чего в подпол полезла?—бабка спрашивает.— Я деда просить хотела, а ты угадала: репы надо достать да моркови. Да смотри тихонько там: ещё чего Домового разбудить!

Темно в погребе, сыро, зябко. Репа да морковка скоро нашлись, вот они, в ларе, песком пересыпаны. А свистуля-то где? Шарила-шарила Танюшка—нету! Так ни с чем и вылезла из подпола.

Пригорюнилась, на лавку присела, вдруг слышит трель знакомую—да глухо так, как из-под полу! Да кто ж то? Неуж Домовой-соседко в чудесну свистулю дует? А ну как загадает чего?

— Печка-матушка, что делать-то? Эдак начнёт чудить Домовой-соседко—переполоху будет! Мало ли что ему в голову придёт?

— А ты, Танюшка, ему кашки вчерашней в плошке поставь, он и притихнет.

Танюшка так и сделала. Поставила в подполе рядом с огуречной кадучкой плошечку с пшённой кашей. Замолчал Домовой-соседко, не свистит в чудесную свистулю ни днём, ни ночью. И хорошо.

И сколь ни лазила Танюшка в погреб—так свистулю и не нашла. Видно, сильно она Домовому соседке приглянулась.

А у Танюшки две другие свистули остались!
Для забавы да для веселия!

Сказка семнадцатая

Широкая Масленица, мы тобою хвалимся!

Дни весенние весело бегут, резво—подросла и Маслена неделя. Сугробы осели, овсянки запели, а телушка Лушка бычка принесла! Прибавленья в хозяйстве, и хлопот тож прибавилось.

Танюшка Масленицу пуще всех ждала—дедко обещал её на ярмонку свезти в большое село.

— Деда, а чего на ярмонку повезём? Не пустыми же явимся!

— Ты ж моя перепёлочка! Есть у нас красный товар: гляди-ко, в чулане на полке десяток горшков новых—зимой-то мы с тобой в Печи обжигали, забыла? Ещё посуды всякой наладил из осины, из липы, глянь-ко—и ковшички, и плошечки! А из бересты, помнишь, туеса плели? А лапоточки липовы? Товару столько—кабы в сани вошло!

Уложили всё, что зимой сотворили, в короба большие берестяные, горшочки сеном обложили, дабы не поколотить их дорогою, пирогов бабка в дорогу напекла подовых со всякими начинками—путь неблизкий, десяток вёрст будет. Запряг дед Карьку мохноногого—и двинулись.

Бабка крестит их в дорогу да слезу смахивает. Катайка вослед было побежала, да бабка отозвала: — Оставайся, Катайка, кто ж без тебя избу сторожить будет?

Полозья по снегу поют-поскрипывают, Карька бежит бодро, по-молодецки, а Танюшка, как синица любопытная, головёнкой в тёплом платке вертит: всё ей любопытно, всё радуется! Ёлки мохнаты по краям дороги машут зелёными лапами, заяц на пне сидит, уши насторожил и глазами-уголками прямо на Танюшку смотрит! Потом как скакнёт в сторону да как помчится!

— Прощевай, косою, не ходи босою!—Танюшка вслед кричит.— Деда, а почему так зовётся—Масленица?

— А я так думаю: надо зиму прогнать, весну умаслить! Опять же, неделя сырной называется. Как сыр в масле катаемся, блинами масляными объедаемся! Эгей, Карюшка, беги шибчей, сердцу будет горячней!

— Дедунь, мы же не всю неделю там будем? Бабка-то как же дома одна? Не управится!—Танюшка беспокоится.

— Пару дней будем! Товар у нас ходовой—зараз продадим! Да и по ярмонке походим-похороводим! — А ночевать где же? В санях?

— Да на что ж в санях? Кумовья у нас там, твои крёстные, значит. Ну, вот у них и заночуем! Ой, кума у тебя бойкая! Певунья да плясунья! Шалишь, кума, не с той ноги плясать пошла!

Так, с прибаутками, по мартовскому гладкому снежку да по ясну дню и домчали в большое село на ярмонку!

Весь день, почитай, добирались, только к вечеру к кумовьям подъехали.

Кума Аксинья прямо на крыльце гостей встретила-приветила:

— А вот и гостыюшки дорогие! Милости просим к нам об Масленице со своим добром, с честным животом!

Что и говорить, душевно приняли Танюшку с дедом: Карьку обиходили, накормили овсом, отдыхать поставили. Деда с Танюшкой как дорожки гостей потчевали, на лежанку тёплую спать уложили. А уж угощенье-то какое поставили! У Танюшки и глаза разбежались!

Тут тебе и блинов целый город золотой, сладким маслом залитой! А к блинкам с припёком—и медок с потёком, сметанка густа, и икра красна, и селёdochка!

Кума Аксинья—баба весёлая, шумная, а кум—тот, напротив, суровый, не улыбочивый. В уголку сидит, за всю беседу пару слов и скажет.

— А где блины, тут и мы!—кума хлопочет, блинков Танюшке подкладывает.—Как на Масленой неделе в потолок блины летели!—и прямо с пылу с жару с печи ещё блинков подбрасывает.

Таково блинов наелись, что не поворотиться! — Ну, Танюшка, держись! Завтра встанем пораньше—да на ярмонку! Будешь наш товар продавать-расхваливать! Ты ж у нас птица голосистая!

Поутру птица голосистая раньше всех встала, косу рыжую крепко заплела, новый сарафанчик с узорочьем надела, платком тёплым подвязалась—и говорит:

— Дедунь, хватит блинками баловаться, пора на ярмонку ехать!

Нагрузили Карьку-трудягу да повезли товар. А на базарной площади уже народищу—у-ух-х! И все нарядные, цветно пиршество прямо! У Танюшки глазёнки разбежались!

Голосит ярмонка со всех сторон: гармошки сыплют залиvisto, зазывалы товар нахваляют, кони ржут, коровы мычат, овцы блеют, ребятишки от смеха в снегу катаются!

— Собирайся, народ, у нас ярмонка идёт!

— Сударыня Масленица, мы тобою хвалимся, на санях катаемся, блинами объедаемся!

Глядит Танюшка: с горы огненно колесо несётся! А за ним ещё одно! Ахти, страсти!

Она к деду, в тулуп вцепилась!

— Не бойсь, Танюшка, это у нас так принято—колёса огненны с горы катать! Это мы солнышку дорогу даём, чтоб такое же горячее катилось к нам!

На прилавочку товар выставили: туеса берестяные, большие и малые—хоть по ягоду ходить, хоть соль хранить; горшочки-махотки пузатые;

посуду всякую деревянную, с узорами, с затеями; бабка навязала варежек да косынок из шерсти Яшкиной — ой, хорошо, богата лавка получилась!

Рядом самовары продают разно-всякие — расписные хохломские, нарядные, медные — на солнце золотом горят! Тут же самоварище семивёдерный пыхтит, из него чай разливают и всех желающих угощают:

— Испей чайку, разгони тоску!

С другого боку — лавка с кренделями, сушками да булками.

— Это мы с тобой, деда, самое баское место заняли. Мимо нас не пройдёт люд: всяк чайку с устатку выпьет и баранчиком солёным закусит али кренделем! А пока пьёт-жуёт-угощается — и наш товар разглядит!

Не успела сказать — а уж народ и подходит!

А Танюшка звонким голосом зазывает:

— А вот к нам подходите, наш товар поглядите! Горшки верчѐные, твеса золочѐные!

А сбоку баба, трема шалями закутана, сама краснощёкая, как самовар, коврижки расхваливат: — Коврижка медовая, на вкус ерундовая! Съешь одну ерунду, заиграешь в дуду!

Танюшка смеётся-заливается: а кто ж ерунду брать будет?! Однако ж к весёлой побасенке народ тянется, пробует, одна за другой коврижечки уходят!

— Дедунь, а можно я хоть мал-мало по ряду пробежусь, гляну, чего есть?

— Беги, егоза, скоро вертайся!

Понесло Танюшку волною веселья. Масленица-объедуха со всех сторон жаркими блинами пышет, пирогами подовыми, ковригами медовыми!

Проходу не дают:

— Далеко не беги, покупай пироги!

— Подходи смелей — покупай, не робей!

— Ой, блинки хороши — для тела, для души!

И на всякий вкус — объеденье, заделье и веселье. Посередь площади — шатёр и балаган. Скоморохи гороховые зазывают:

— У нас представление — всем на загляденье! Песенки, шуточки, весёлые прибауточки!

Петрушка с огромным носом, в красном колпаке, пищит-верещит, ребят веселит! Остановилась Танюшка, рот разинула: никогда она прежде этой забавы не видела!

Чуток постояла — назад побежала: надо ж деду помочь!

А вслед ей гармошечка сыплет:

Тары-бары-растбары —

Всё хорошие товары!

Пироги подовые,

Яблоки медовые!

Набежали откуда-то ребяташки, ватага гомонливая, с петушками-леденцами, со свистулями да игрушками, потащили Танюшку на гору —

на салазках кататься! Закружило веселье малу головушку! Ух, как с горы крутой на салазках разлетелась Танюшка! Бултых в сугроб! Смеху-то!

Ой, дедко-то велел скоро вернуться, а она? Отряхнулась Танюшка, головой завертела: да что ж она так заигралась? Встрѐпана, распотевша, побежала искать.

Куды там! Не может Танюшка деда найти! Вроде ряд-другой пробежала, свернула-повернула — а лавочка-то где дедова? Отовсюду — блинны горы самоварны дымы, лотки с орехами, сайки с изюмом... Жарко веселье, шум-гам-смех! На столб мужик лезет, карабкается, а столб-то гладкий, съезжает мужик, не может добраться до подарка, что на самой-то верхушке. Загляделась Танюшка на миг на забаву, а потом думает: лавочка-то наша была по крайнему рядочку, что около горы, с которой колёса огненны катали парни. Найду!

Успокоилась малость, платок поправила, сбитню из самовара выпила и расспросила: где крайни ряды, где горушка с колёсами? Ей и показали: туда, мол, ступай!

Скоро и нашла деда. А тот уж тревожиться стал, хотел бежать искать Танюшку, да товар-то оставить как? Самое горячее время! Горшочки-махотки в одночасье скупили, твеса берестяные узорные важный человек долго рассматривал да нахваливал, спрашивал, как дед их изготовливает. А девки красны шаленки да варежки враз расхватали!

— Так ты, деда, и без меня справился!

Дедка только руками развёл:

— Да и ты мне хорошо помогла! Чего видела — рассказывай!

Танюшка и рассказала про свои забавы.

— А приглядела гостинцев каких?

Всплеснула руками Танюшка: о гостинцах родным-домашним она и не вспомнила!

— Прости ты меня, дедунюшка, давай вместе выберем! И за то прости, что загулялась, тебя расстрожила!

— Бог простит, детонька, а я и подавно! Сегодня ведь Прощѐно воскресенье! И ты меня прости, коли чем досадила!

— А пойдѐм, деда, поглядим, как Масленица горит! Это ж мы зиму сжигать будем?

— И всё худое, старое да ненужное! Весне-матушке поможем!

А наутро снарядились, куме да куму поклонились — и в путь обратный! Товар свой весь на ярмонке и продали, а чего не продали — куме задарили! Уважили за хороший приём!

Карька бодро идѐт, гостинцы с ярмонки везѐт: бабке — новый ухват и кочергу, деду — топор, самовар да балалайку купили, Кирьке сбрую справили, а Танюшке целый короб берестяной всяких игрушек да сластей набрали!

Бабка как с крыльца сани знакомые завидела— разохалась, даже всплакнула. Подарки посмотрела—руками развела: ой, како богатство в избу привалило! А Печка-магушка обогрела уставших, обняла их своим теплом да сказала:
— На Маслёне веселились, блином-мёдом угостились! А теперь Масленицу провожаем, света, солнца ожидаем!

Сказка восемнадцатая

На Благовещенье

Ох уж этот обманщик апрель—опять на Благовещенье морозы возвернулись! Не такие лютые, конечно, как на Крещение, но дедко тулуп надел, когда в дровяник пошёл.

Накануне вечером развели на заднем дворе костерок, дабы свет прославить да нечистую силу отогнать от избы. Танюшка обрадовалась, через костёр, что коза, прыгала, а собачка Катайка звонко лаяла, на её веселье глядячи.

Весь день перед праздником хлопотали, в избе красоту наводили, сообща готовились к Благовещенью: половички вытрясли, бабка Анисья лавки можжевельником натёрла, чтоб нечисту силу отпугнуть, Метла ворчать не стала—мела да убирала, Танюшка занавески снежно-кружевные в горницу повесила... Лепота, да и только!

А ночка-то вышла холодная. В полночь дохнуло студёным ветром с севера. В Печке остывающей словно колыхнулось что-то (али Мышь-подпечница крошечки подбирала на поду?), половицы заскрипели, и засов в двери как будто туда-сюда шатнулся. Танюшка-вострушка всё слышала и бабке наутро сказала.

— То, внученька, нечиста сила зубьями скрежещет, покидать жильё наше не хочет, пригрелись, дурные. А куда им деваться? Праздник святой настаёт, на чистоту всех выводит!

— Бабань, а морозить ещё долго будет?

— Не ругай мороз, будут просо да овёс! Коли мороз на Благовещенье, будет ещё сорок холодных утренников, так моя бабка сказывала.

— Ой, долго!—вздохнула малая.—А дедко далеко ушёл?

— На родник за водою.

— Ты же говорила: на Благовещенье девица косы не плетёт, птица гнезда не вьёт! Нельзя никакую работу справлять!

— Так то не работа, а забота,—улыбнулась бабка Анисья.

Танюшка на крыльцо выбежала деда встречать. Слышит: сороки у старого пня хлопочут-стрекочут больно шумно. Чего случилось-то?

Танюшке всё любопытно. Запахнула тулупчик покрепче и подбежала. Сороки горластые отлетели и давай дальше трещать. Глядит Танюшка, а у пня какая-то птичка малая лежит, трепыхается, пищит,

а взлететь не может, кто-то ей крылышко повредил—может, куница или ещё какой хищный зверь.

Как же ей помочь, бедняге?

А тут дедко идёт, под коромыслом клонится. Танюшка к нему:

— Деда, там с птичкой беда! Давай поможем! Может, мы её в избу возьмём?

Дед вёдра поставил, осмотрел пичугу малую.

— А ведь сегодня особый день—для птиц благодатный! Сегодня, коли кто дома птиц держит, на волю их отпускает. Птичий день, значит. Ты платок сыми, тихонечко птицу возьми да заверни легонько... Выходим бедолагу!

Принесли пичужку в избу. Бабка рукой машет: — Мало нам в доме живности, ещё птаху приволокли! Околеет, праздник испортит!

— Тихо, старая, ей тепло и уход надобны. Танюшка, неси-ка водицы—попоим птицу.

Пташка клювик к площадке склонила, попила, глазок у неё повеселел.

— А это что за птичка, дедко? Как зовётся?

Разглядела Танюшка малую пичугу: пёстро наряжена—к весне, стало быть. Спинка коричневая с зелёным, а головка сине-серая, красивая птаха, а махонькая—с воробья.

— Да то, верно, зяблик,—почесал дед в затылке.— Ты его в шапку мою старую клади, сенца туда малость брось и зёрнышек просяных насыпь али семечек—и на лежанку пристрой, там теплее.

— Зяблик—птица известная, как раз в начале апреля и прилетает,—смирилась бабка.—Жалко тварь Божию, да авось выживет.

На другой день Танюшка проснулась от звонкой трели: зяблик оживился, отогрелся на печной лежанке и песню запел. Свистнет коротко пару раз, а потом трель выдаёт. Завеселело в избе!

Котейко Уголёк уши рыжие насторожил: кто это там с утра его будит?

А зяблик осмелел: и зёрнышки поклевал, и муху проснувшуюся, ещё вялую, проглотил, и из шапки стал выпрыгивать да одним глазом на Уголька дерзко посматривать.

Крылышко у него долго срасталось и как-то кривенько висело первое время. Но ничего—сидит на полатах, трелями бабку радует!

Только когда майским теплом дохнуло в избу, да рамы выставили, да берёза под окном зазеленела, вылетел зяблик, бойко трепеща крылышками, нырнул в голубой простор—только его и видели!

Сказка девятнадцатая

Как Водяной в Никитин день шалил

— Слава Богу, Печке поклон—зиму пережили,—говорила поутру бабка Анисья, сажая хлебы в Печь.—Апрель-снегогон в полну силушку входит, красу на мир наводит, песни играет, сердцу радость открывает.

А Танюшка с лежанки:

— Бабань, отчего красы-то не видно? Грязь во дворе, непролаза, валенки промочила сразу!

— Валенки-то давно забросить пора в чулан — весна на дворе!

Бабка смеётся, руки о фартук вытирает.

— А ты с лежанки слезай, выйди-ко за ворота да оглянись пошире — краса взгляду и явится! Только к речке близко не ходи: весенний ледок хрупко-лёгок, а Водяной в такой день шалит — далеко ль до беды?

— Какой день-то?

— Никитин день, праздник рек и ручьёв. Водяной нынче просыпается, от талой воды сил набирается. Погоди-ко, у меня какá травка есть — оберег-то от Водяного!

Но Танюшки уже и след простыл, только дверь в снях хлопнула.

— Катайка, поди за этой егозой следом, мне всё спокойней будет! — велела бабка.

А Катайка и рада — мигом вышмыгнула в едва притворённую дверь вслед за Танюшкой!

— Дед рыбачит, Танюшка козой скачет! Вечно разбегутся, а я одна тут чугуны ворочай, — ворчит бабка.

Вышла Танюшка за ворота, не надвигается: снегу совсем мало осталось, где-то по овражкам, во закраинам виднеются последние клочки залежалые, серые; там и сям вокруг луж, словно солнышки малые, цветочки мать-и мачехи весело играют; в высоте вольной синей словно нежные колокольцы звенят — жаворонок поёт; на пригреве трава проклюнулась — и как она прежде не замечала?

Взобралась Танюшка на кочку-пригорочек, на брёвнышко встала и весну выкликает:

Весна, весна, на чём пришла?

На сошечке, на бороночке,

На овсяном снопочке,

На ржаном колосочке!

А Катайка рядом скачет, заливаётся, тоже весенней воле радуется!

— А ну, Катайка, давай наперегонки — до речки!

Вязнут Танюшкины лапоточки в мягкой весенней земле, а Катайка скачет легко через лужи и кочки — первая прибежала!

Стоят на бережку крутом невысоком, любят: лёд давно сошёл, вода поляя большая, напиталась тальми снегами, водами речек и ручьёв, разлилась, низкий берег, что против них, подтопила, торчат ивовы кусты из-под воды.

Оглянулись: дедко где-то должен здесь рыба-лить. Нет, не видать.

Весноводье широкое кружит бедову головушку! Катайка прыгала по бережку, по краю, да сорвалась напрямик в воду! Плыёт, барахтается, верещит, а выбраться не может! Махонькая она, Катайка, а вода сильная, холодная, течение относит её всё

дальше. Бежит Танюшка по берегу вся в слезах, жалко ей старую добрую Катайку! А впереди берега узко сходятся, речка шустрей бежит, как будто воронкой вода закручивается... Ой, упадёт Катайка!

Танюшка неловко оступилась да упала. Кое-как поднялась, грязнёшенька-растрёпана, слёзы ручьём катятся!

А Катайка-то где?

И видит: закрутило Катайку в самый водоворот, где погибель!

Танюшка к ней бросилась, да до воды не добежала: вдруг словно сильные руки показали из быстрины, подхватили собачонку и на берег кинули — мокрушу, испуганну! Зажмурилась Танюшка от чуда такого, а Катайка отряхивается — брызги во все стороны летят! — и к Танюшке! Спасла сила неведома!

Глядь — а из-за ближней густой ивы дедко Анисим показался: тут-то он рыбку и ловил! Полна корзина, улов богатый, хлещут хвостами — да куда там!

— Дедко, видел, диво какое? Кто это нашу Катайку спас?

Дедко смеётся:

— То, верно, Водяной доброй постарался, иначе кто? В Никитин день он силой своей играет, весноводьем гуляет!

— Водяной? А ты его видел, деда?

— А вот как-нибудь расскажу тебе бывальшину про Водяного! Главное дело — в Никитин день его задобрить: проснулся он от зимней спячки, а ты ему первую рыбку пойманную брось.

Вернулись домой: Катайка мокра, Танюшка грязна, дедко — от богатого лова уставший. Бабка глянула, головой покачала:

— И куды вас понесло? Чуток Водяной не уташил! Ты, егоза, давай на Печь, и Катайку с собой бери! А нам с тобой, дед, до ночи с рыбой возиться!

Сказка двадцатая, последняя

Рождественское

Как-то морозным утром, под самое Рождество, в Сочельник, когда блёстка по покрову играла сокровенными самоцветами и снежок неслышно опускался на притихший простор, когда в избе всё дышало чистотой и заботой праздника, отправился дед Анисим, как обычай велит, к роднику за водой. Ещё прадед ему говорил: вода накануне Рождества — святости полна и целебной силы. Ею умываться будут и хлеб рождественский на этой воде замешивать станут.

— Чудно-то так! — подивился дед. — Уродника ёлки, снежными шалами запушённые, как невесты ска-зочные убраны. Сам родник словно дымит, и вода, коли на морозе попробуешь, ломит зубы — а тепло по всему телу разливается живое от этой воды.

Набрал старик полны вёдра, да только вздел их на коромысло, выпрямился—видит: из ближнего леса белая громадина выдвинулась. Ишь ты, знакомец—Снежный Лось!

Батюшки светы, да прямо к их избе правит! Плывёт по снегам, как корабль неведомый, холкой да бородой трясёт, шерстища зимняя длинная, тонки ноги из сугроба легко вытаскивает, горбоную голову высоко несёт. А рога-то не сброшены, здоровенны таки лопаты.

Чего это он? Заголодал али спасается от кого?

Пошёл дед сторожко к избе, и Лось туда же. Глядит дед: припадает Лось на одну ногу, неладно что-то. Ахти, страсти! Да никак волки его тронули, рана на задней ноге рваная! По белой шерсти, словно брусничины, капельки крови стекают. Видать, отбился от волков, ушёл, а нога-то беспокоит—потянулся к людям, к жилью.

—Бабка, гостя встречай!—дедко поспешно вёдра ставит, в избу идёт.—Надо-ко лесному великану помочь!

Бабка на крыльце так и села. Вот так оказия! А Танюшка-егоза сразу сообразила:

—Ну как же, баба! Он нам помогал вон как хорошо, теперь мы должны его выручить! Давай рану обиходим!

Дед принёс соломы большую охалку и сенца самого сладкого. Лось Снежный не тушуетя, как к себе домой во двор входит. Даже Катайка на великана лаять опасается, хвостик поджала, за Танюшку прычется.

Бабке доводилось и корову, и телят лечить. Туда-сюда вертанулась—старая, да шустрая—уже и снадобья сообразила: сок свекольный для заживления раны, траву сушеницу—чтоб рана подсохла да затягивалась, тысячелистник—чтоб не загнаюлась.

—Ещё золой можно присыпать!—вспомнила Танюшка, как ей ссадины летом лечили.—От нашей Печки-матушки самая целебная зола!

А Белый Лось тихо стоит, не шелохнётся. Дивится бабка Анисья:

—Ишь ты, смирной какой и не боится!—а сама примочки свекольны прикладывает, меняет, мазью из лапчатки гусиной на свином жиру смазывает, золой печной присыпает.

Дед свою рубаху старую на полосы порвал—перевязали рану.

Лосю воды целебной родниковой дали, малость сена пожевал лесной великан, овсом похрустел. Танюшка ему корочку ржаную солью натёрла—протрянула, Лось вздохнул и взял корочку большими тёплыми губами. Потом на солому опустился, расположился, как у себя в лесу на полянке, и задремал.

А Танюшка-то рада!

—Это, баба, хороший знак: он у нас защиты ищет в такой день. Всякая Божья тварь в святые дни к человеку тянется, доверяет!

—Пушай отдыхает, а мы пойдём к празднику готовиться!

Много хлопот перед Рождеством, и все радостные, особенные.

—И Печку-матушку по-особому топить следует,—бабка говорит.—Неси-ка, старый, кремень и кресало! А ты, Танюшка, тащи сюда двенадцать лучших поленьев, что мы с тобой с вечера приготовили! И прутик берёзовый сухой принеси!

Сложила малая поленья в Печи, как полагается, домиком, внизу береста и лёгкий хворост. А ещё прежде она заметила: двенадцать дней лежали кремень и кресало под образами, святой силой очищались, напитывались. Бабка на восход трижды перекрестилась, огонь стала высекать. Все даже дышать перестали: огонь-то будет особый, священный. Вот занялся малый огонёк, зажгёт прутик, а прутик этот бабка сунула в приготовленные дрова в горниле. Занялся огонь чистый и сильный! —Баба, что сперва готовить станем?

—Нынче, милая, готовки у нас с утра и до вечера. Последний постный день самый строгий, ты уж, Танюшка, скрепись, вкушать ничего до звезды не будем, а назавтра стол уже скоромный: выходит, нам два стола готовить надо! Помогай, Танюшка! Семья у нас небольшая, да ртов-то вон сколько!—махнула рукою бабка.

—Да ведь они тоже тебе помога! Погоди, бабань, соберём братию!

Долго ждать не пришлось: зараз явились и Таракашечка со Сверчком, и рыжий Уголёк с Катайкой, и Мышь-подпечница из своего теремка вышмыгнула!

—Первым делом сочиво и узвар приготовим,—бабка Анисья обычай строго блюдёт.—Неси-ка, Танюшка, пшенички туес, изюму, маку, орехов да тех яблочек и груш, что мы засушили с осени. Дед, ещё мёду для узвару надобно, доставай, в кладовой на верхней полке стоит.

И пошла у них работа! Мышка маковы зёрнышки перебирает, Уголёк пшеничку в ступке толчёт, Катайка орехи колет, Танюшка изюм моет да сухофрукты замачивает. Дед мёду душистого в здоровенном туесе приволок, на лавку сел, любитя, как работа складно идёт.

—Не сиди, старой,—бабка новы порученья раздаёт.—У курей яичек собери, а потом подои коровушек. Завтра пост кончается, сдобы напеку пышной, масла собьём.

Вскоре задышала Печь запахами сладкими, медовыми. Настоялся-натомился в загнетке узвар, богатый травами и фруктами: тут тебе и мята, и чабрец, и смородинный лист, а уж ягоды всякой! Летом пахнуло, листом малиновым нагретым, да брусничкой сочной, да клюквой кислой.

А это кто ещё в избу стучится? Что за гость незванный? А это дед приволок из сеней сноп ржаной

богатый! Ишь ты! Перед бабкой Анисьей, что с ухватом да чугунами возилась, шапку снял да поклонился:

— Дай, Боже, хозяйюшка, здоровья!

А бабка в ответ:

— Бог в помощь, родимый! А что несёшь?

— Несу в избу золото, чтоб весь год мы жили богато! — дед перекрестился на образа. — И всем желаю счастья, здоровья и многая лета!

После того поставил сноп под образа, в красный угол, железной цепью тот сноп перепоясал и хомут рядом положил. А бабка Анисья чистой белой скатертью всё это добро накрыла. Так обычай велит, чтобы год был урожайный, богатый, чтоб добро в избе не переводилось.

— Ты, Танюшка, не забудь сочивом всю нашу домашнюю братию угостить! — дед говорит. — И коровушкам в ладошке снеси, попотчуй, и барашка Яшку угости, и гостя лесного, что во дворе лежит. Тогда весь год будут они бестревожно жить.

Скоро солнышко за горой погасло. Так, за хлопотами праздничными, и не заметили, как ночь крылами избу придела, синей позёмкой обвила.

Дабы нечистую силу отвести от дома, обошли дом и двор с караваем свежеиспечённым, что на святой водице замешен был, с мёдом и маком. Мак Танюшка в хлеву разбросала, а чеснок

Уголёк с Катайкой по всем углам разложили, чтобы всяки недотыкомки святому празднику не мешали.

А как свечерело, полетели в небесную синь искры большого костра — зажгли его, чтоб усопших родных вспомнить, чтобы им тоже тепло было в этот вечер. Собрались кругом — и дед с бабкой, и Танюшка-сиротка, и Лось Снежный громадный, и старая Катайка.

Ближе к ночи и стол накрыли в ожидании звезды. Чистой скатертью застелили, сенца сверху положили, на сено узвар и сочиво поставили, Танюшка три калача и щепотку соли положила, большую свечу медовую засветила.

Нарядились все в свои наряды чистые, лучшие, бабка шаль посадску накинула. Всем семейством большим собрались: Таракашечка малой-удалой, Сверчок-немолчок, золотой смычок, рыжий котейко Уголёк, стара собачка Катайка и Мышь-подпечница. Притихли в уголку Метла-ворчунья и Умывальник бренчливый. И всех теплом обнимала Печка-магушка, а Снежный Лось со двора в окошко заглядывал, качал лопатинами своими — тоже, видно, хотел в домашнее печное тепло.

А Танюшка к окну подобралась, продышала среди серебряных узоров тёплый глазок и следить стала: когда же в морозном небе появится чистая и прекрасная первая звезда?